

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> Приятного чтения!

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский

ЕЗДИЛ Я ТАК

Я выехал из Москвы 15 апреля. Первый город Варшава. На вокзале встречаюсь с т.

Аркадьевым, представителем ВОКСа в Польше, и т. Ковальским, варшавским ТАССом. В Польше решаю не задерживаться. Скоро польские писатели будут принимать Бальмонта.

Хотя Бальмонт и написал незадолго до отъезда из СССР почтительные строки, обращенные ко мне: "...И вот ты написал блестящие страницы, Ты между нас возник как некий острозуб..." и т. д., – я все же предпочел не сталкиваться в Варшаве с этим блестящим поэтом, выродившимся в злобного меланхолика.

Я хотел ездить тихо, даже без острозубия.

В первый приезд я встретился только с самыми близкими нашими друзьями в Польше: поэт Броневский, художница Жарновер, критик Ставер.

На другой день с представителем Вокса в Чехословакии, великолепнейшим т.

Калюжным, выехали в Прагу.

На Пражском вокзале – Рома Якобсон. Он такой же. Немного пополнел. Работа в отделе печати пражского полпредства прибавила ему некоторую солидность и дипломатическую осмотрительность в речах.

В Праге встретился с писателями-коммунистами, с группой "деветеил". Как я впоследствии узнал, это – не "девять сил", например, лошадиных, а имя цветка с очень цепкими и глубокими корнями. Ими издается единственный левый, и культурно и политически (как правило только левые художественные группировки Европы связаны с революцией), журнал "Ставба". Поэты, писатели, архитектора: Гора, Сайферт, Махен, Библ, Незвал, Крейцер и др. Мне показывают в журнале 15 стихов о Ленине.

Архитектор Крейцер говорит: "В Праге, при постройке, надо подавать проекты здания, сильно украшенные пустяками под старинку и орнаментированные. Без такой общепринятой эстетики не утверждают. Бетон и стекло без орнаментов и розочек отцов города не устраивает. Только потом при постройке пропускают эту наносную ерунду и дают здание новой архитектуры".

В театре левых "Освободене Дивадро" (обозрение, мелкие пьески, мюзикхолльные и синеблузные вещи) я выступил между номерами с "Нашим" и "Левым" маршами.

"Чай" в полпредстве – знакомство с писателями Чехословакии и "атташэ интеллектюэль" Франции, Германии, Югославии.

Большой вечер в "Виноградском народном доме". Мест на 700. Были проданы все билеты, потом корешки, потом входили просто, потом просто уходили, не получив места. Было около 1 500 человек.

Я прочел доклад "10 лет 10-ти поэтов". Потом были читаны "150 000 000" в переводе проф. Матезиуса. 3-я часть – "Я и мои стихи". В перерыве подписывал книги. Штук триста. Скучная и трудная работа. Подписи – чехословацкая страсть.

Подписывал всем – от людей министерских до швейцара нашей гостиницы.

Утром пришел бородатый человек, дал книжку, где уже расписались и Рабиндранат Тагор и Милюков, и требовал автографа, и обязательно по славянскому вопросу: как раз – пятидесятилетие балканской войны. Пришлось написать:

Не тратьте слов_а_ на братство славян.

Братство рабочих – и никаких прочих.

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Привожу некоторые отзывы о вечере по якобсоновскому письму: а) В газете социалистических легионеров (и Бенеша) "Narodni osvobozeni" от 29/IV сообщается, что было свыше тысячи человек, что голос сотрясал колонны и что такого успеха в Праге не имел еще никто! б) Газета "Lid. Nov." от 28/IV сожалеет о краткости лекции, отмечает большой успех, остроумие новых стихотворений, излагает лекцию. в) В официальной "Ceskoslov. republika" – отзыв хвалебный (сатира, ораторский пафос и пр.), но наружность не поэтическая. г) В мининдельской "Prager Presse" – панегирик. д) В коммунистической "Rude Pravo" – восторгается и иронизирует по поводу фашистских газет "Vecerni list" и "Narod" (орган Крамаржа), которые возмущены терпимостью полиции и присутствием представителей мининдела, сообщают, что ты громил в лекции Версальский мир, демократию, республику, чехословацкие учреждения и Англию и что английский посланник пошлет Бенешу ноту протеста.

Этих газет тебе не посылаю, потерял, но посылаю следующий номер "Narod", который суммирует обвинения и требует решительных мер против "иностранных коммунистических провокаторов".

"Narodni osvobozeni" от 29/IV насмехается над глупой клеветой газеты "Narod". ..Из Праги я переехал в Германию. Остановился в Берлине от поезда до поезда, условясь об организации лекции.

На другой день – 3 часа – Париж.

Когда нас звали на чествование Дюамеля в Москве, Брик, основываясь на печальном опыте с Мораном и Берро, предложил чествовать французов после их возвращения во Францию, когда уже выяснится, что они будут писать об СССР.

Первым мне попало в Париже интервью с Дюамелем. Отношение к нам на редкость добросовестное. Приятно.

С Дюамелем и Дюртеном мы встретились в Париже на обеде, устроенном французскими писателями по случаю моего приезда.

Были Вильдрак – поэт-драматург, автор "Пакетбота Тенеси", Рене – редактор "Европы", Бушон – музыкант, Базальжетт – переводчик Уитмена, Мазарель, известный у нас по многим репродукциям художник, и др.

Они собираются на свои обеды уже с 1909 года.

Люди хорошие. Что пишут – не знаю. По разговорам – в меру уравновешенные, в меру независимые, в меру новаторы, в меру консерваторы. Что пишут сюрреалисты (новейшая школа французской литературы), я тоже не знаю, но по всему видно – они на лефовский вкус.

Это они на каком-то разэстетском спектакле Дягилева выставили красные флаги и стали говор спектакля покрывать Интернационалом.

Это они устраивают спектакли, на которых действие переходит в публику, причем сюрреалистов бьет публика, публику бьют сюрреалисты, а сюрреалистов опять-таки лупят "ажаны". Это они громят лавки церковных украшений с выпиленными из кости христами.

Не знаю, есть ли у них программа, но темперамент у них есть. Многие из них коммунисты, многие из них сотрудники "Кларта".

Перечисляю имена: Андрей Бретон – поэт и критик, Луи Арагон – поэт и прозаик, Поль Элюар, поэт, Жан Барон и др.

Интересно, что эта, думаю, предреволюционная группа начинает работу с поэзии и с манифестов, повторяя этим древнюю историю лефов.

Большой вечер был организован советскими студентами во Франции. Было в кафе "Вольтер".

В углу стол, направо и налево длинные комнаты. Если будет драка, придется сразу "кор-а-кор", стоим ноздря к ноздре. Странно смотреть на потусторонние, забытые с времен "Бродячих собак" лица. Насколько, например, противен хотя бы один Георгий

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Иванов со своим моноклем. Набалдашник в челке. Сначала такие Ивановы свистели.

Пришлось перекрывать голосом. Стихли. Во Франции к этому не привыкли.

Полицейские, в большом количестве стоявшие под окнами, радовались – сочувствовали. И даже вслух завидовали: "Эх, нам бы такой голос".

Приблизительно такой же отзыв был помещен и в парижских "Последних новостях".

Было около 1200 человек.

Берлин. Чай, устроенный обществом советско-германского сближения.

Прекрасное вступительное слово сказал Гильбо (вместо заболевшего т. Бехера).

Были члены общества: ученые, беллетристы, режиссеры, товарищи из "Ротэ фанэ"; как говорит товарищ Каменева, "весь стол был усеян крупными учеными". Поэт был только один – говорят (Роган говорил), в Германии совестятся писать стихи – глупое занятие. Поэт довольно престарелый. Подарил подписанную книгу. Из любезности открыл первое попавшееся стихотворение – и отступил в ужасе. Первая строчка, попавшаяся в глаза, была: "Птички поют" и т. д. в этом роде.

Положил книгу под чайную скатерть: когда буду еще в Берлине – возьму.

Отвел душу в клубе торгпредства и полпредства "Красная звезда". Были только свои.

Товарищей 800.

В Варшаве на вокзале встретил чиновник министерства иностранных дел и писатели "Блока" (левое объединение).

На другой день начались вопли газет.

– Милюкову нельзя – Маяковскому можно.

– Вместо Милюкова – Маяковский и т. д. Оказывается, Милюкову, путешествующему с лекциями по Латвии, Литве и Эстонии, в визе в Польшу отказали. Занятно.

Я попал в Варшаву в разгар политической борьбы: выборы.

Список коммунистов аннулирован.

Направо от нашего полпредства – полицейский участок. Налево – клуб монархистов.

К монархистам на автомобилях подъезжают пепеэсовцы. Поют и переругиваются.

Мысль о публичном выступлении пришлось оставить. Помещение было снято. Но чтение стихов могло сопровождаться столкновением комсомольцев с фашистами. Пока это не к чему.

Ограничился свиданиями и разговорами с писателями разных группировок, пригласивших меня в Варшаву.

С первыми – с "Дзвигней". "Дзвигня" – рычаг. Имя польского левого журнала.

Это самое близкое к нам.

Во втором номере – вижу переведены и перепечатаны письма Родченко, так великолепно снижающие Париж. Хвалить Париж – правительственное дело. Он им займы дает. (Чего это Лувр Полонскому втемяшился – Полонскому с него даже займа нет!) Борьба против иностранной мертвой классики за молодую живую польскую литературу и культуру, левое и революционное – одно из дел "Дзвигни".

Интереснейшие здесь: поэт Броневский, только что выпустивший новую книгу стихов "Над городом". Интересно его стихотворение о том, что "сыщик ходит между нами".

Когда оно читалось в рабочем собрании, какие-то молодые люди сконфуженно вышли.

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Поэт и работник театра Вандурский. Он один на триста тысяч лодзинских рабочих.

Он ведет свою работу, несмотря на запрещения спектаклей, разгромы декораций и т. д. Одно время он начинал каждое действие прологом из моей "Мистерии-буфф".

Критик Ставер.

Художница Жарновер – автор обложки "Дзвигни", и др.

Следующая встреча – с большим объединением разных левых и девствующих, главным образом "Блока" (не Александра).

Первыми вижу Тувима и Слонимского. Оба поэты, писатели и, кстати, переводчики моих стихов.

Тувим, очевидно, очень способный, беспокоящийся, волнующийся, что его не так поймут, писавший, может быть и сейчас желающий писать, настоящие вещи борьбы, но, очевидно, здорово прибранный к рукам польским официальным вкусом. Сейчас выступает с чтениями стихов, пишет для театров и кабаре.

Слонимский спокойный, самодовольный. Я благодарю его за перевод "левого марша".

Слонимский спрашивает: "И за ответ тоже?" Ответ его вроде шенгелевского совета (удивительно, наши проплеванные эстеты с иностранными беленькими как-то случайно солидаризируются) – вместо "левой, левой, левой" он предлагает "вверх, вверх, вверх".

Говорю: "За "вверх" пускай вас в Польше хвалят".

Я не перечисляю друзей из "Дзвигни". Кроме них: Захорская – критик, Пронашко – художник-экспрессионер, Рутковский – художник, Стэрн – поэт, Ват – беллетрист и переводчик, и др.

Читаю стихи. При упоминании в стихе "Письмо Горькому" имени Феликса Эдмундовича вежливо спрашивают фамилию и, узнав, – умолкают совсем.

Последняя встреча – с "Пен-клубом". Это разветвление всеевропейского "клуба пера", объединяющее, как всегда, маститых.

Я был приглашен. Я был почти их гостем.

Утром пришел ко мне Гетель – председатель клуба.

Человек простой, умный и смотрящий в корень. Вопросы только о заработках, о профессиональной защите советского писателя, о возможных формах связи. Гетель увел меня на официальный завтрак с узким правлением – маститых этак шесть-семь.

Разговор вертелся вокруг способов получения авторских гонораров за переводимые Советским Союзом, хотя бы и с кроющими примечаниями, вещи. Малость писателей завтракающих при большом количестве членов объясняется, должно быть, дороговизной завтраков и боязнью, как бы из-за меня чего не вышло, а им чего не попало.

Общие выводы.

По отношению к нам писатели делятся на три группы: обосновавшиеся и признанные своей буржуазной страной, которые и не оборачиваются на наше имя, или вполне хладнокровны, или клеветуют. Центр – это те, степень сочувствия которых измеряется шансами на литературную конвенцию и связанную с ней возможностью получить за переводы. Последние, это первые для нас, – это рабочие писатели и лефы всех стран, связь которых с нами – это связь разных отрядов одной и той же армии – атакующей старье, разные отряды одного революционного рабочего человечества.

[1927]

Сейчас я проехал. Польшей, Чехословакией, Германией, Францией. Богатые этих стран чрезвычайно различны: поляк – худ, щеголеват, старается притвориться парижанином; немец – толст и безвкусен; чех – смахивает на нашего спеца; француз – скромн и прост, ни по костюму, ни по объему его живота не узнаешь о количестве его франков.

Вид работающего пролетария одинаков: одни и те же синие блузы и на чешском металлисте, и на железнодорожнике Бельгии, и на водниках Эльбы. В Льеже отправлялся куда-то вагон дорожных рабочих, и они с энтузиазмом свистели нашему курьерскому поезду. На одном из маленьких канальчиков я видел даже совсем репинскую картину: две бабы тащили лямками небольшую баржу – своеобразные бурлачки. Крестьянку Польши под микроскопом не отличишь от белорусских баб. Я видел их работающими и на польской части Белоруссии и на советской. Только проволочные ограждения границы отделяют их.

В Праге я пошел на один из крупнейших заводов в Средней Европе – акционерное общество чешско-моравска – "Кольбен". Это две группы заводов – электрические и механические. Строят паровозы, автомобили ("Прага"), прожекторы для румынской армии и т. д.

Хожу по механическим. Рабочих человек восемьсот. Нагрузка слабая, – им пока не надо паровозов. Ремонтируются мелкие военные тракторы, перевозившие пушки, теперь продаваемые крестьянам. Бока тракторов еще пестрят военной маскировкой. В полную нагрузку работают только автомобильные мастерские. Вырабатывают тысячи три машин. Это, конечно, не Форд. Работают с прохладцей. Места – хоть завались.

– Вот этот рабочий, – указывает с гордостью инженер на старика, – только что у меня автомобиль купил. Дочке в Румынию в приданое посылает.

– Сколько же у вас зарабатывают?

– О, до 70 крон в день, – говорит инженер – (рубля 4).

Переспрашиваю другого, незаинтересованного, спутника.

– Ну, крон до сорока. Большая разница.

Из-за этого автомобильчика старик служил на заводе 37 лет!

Часовой обеденный перерыв.

Подвозят на низких площадках "горки парки" – "горячие пары" (сосиски) и пиво.

– А столовой у них нет?

– Есть. Только они сами туда ходить не любят.

Когда я вышел – напротив на заборчике обедали двое рабочих: помоложе и постарше, отец и сын, должно быть. Девочка, лет 8–9, принесла им обед в чистых двухэтажных судках. Странная столовая.

– Всегда у вас такая идиллия?

– Да, у нас тихо, – коммунистов на завод не принимаем.

– А если окажется?

– Надолго не окажется. Здесь выходного пособия не платят.

– А если машиной искалечат, если станет инвалидом?

– Судиться будет – ничего не получит. Без суда выдаем уменьшенное пособие.

Иногда выдаем до двух лет.

– А потом?

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

– Потом его дело.

Шедший с нами врач рассказывает:

– К нам в больницу привезли рабочего. Рана. Спрашиваю: кто ранил? Что вы!

Товарищ ранил. В драке? Из ревности? Нет, – по просьбе. Как по просьбе? Я – безработный. Я хотел пожить в больнице и подкормиться.

Чехословакия одна из самых демократических, свободных политических стран. Здесь легальная компартия. Одна из сильнейших в Европе. Коммунистическая газета "Рудэ право" имеет около 15 000 тиража. Правда, здесь полная свобода и белым. Недаром – это центр российской эмиграции. В славянском кабаке сживает и сам Чернов.

К вечеру рабочий наряжается в чистое платье. Он сберегает 10 крон, чтобы пойти на свой бал. Там представление, там и фокстрот. На последнем коммунистическом балу в марте, в огромном помещении "Люцерна", было около 4000 человек.

На сцене синемлузники. Вот, например, сцена "Слезы Крамаржа". Чешский "твердолобый" Крамарж плачет над дачей, отнятой большевиками у него в Крыму.

Впрочем, синемлузник – это название. Синие блузы носить запрещают. Подвели под какой-то старый закон о запрещении носить "форму" и однажды задержали на улице синемлузников, отвели их в участок, сняли рубашки и домой отпустили голыми.

С Крамаржем такого не случилось. Ему в Чехословакии значительно свободнее.

Прага

[1927]

ЧЕШСКИЙ ПИОНЕР

Когда я ехал за границу, знакомые пионеры наказали мне:

– Езжай-то ты езжай, товарищ Маяковский, но когда приедешь, все про ихних пионеров расскажи.

Поехал я сначала в Чехословакию. Приехал в столицу, в Прагу, и сейчас же у товарищей спрашиваю:

– Покажите мне, где у вас тут пионеры. Товарищи отвечают:

– Их и искать не надо, они сами вечером на вашу лекцию придут.

Вечером я читал в народном доме лекцию и свои стихи. Народу пришло много – больше тысячи. Между взрослыми – и детей пионерского возраста достаточное количество.

Читаю я стихи и все время зал оглядываю: дети есть, а пионеров не видно. Ни единого красного галстучка. После лекции подходит товарищ с двумя ребятами, я на него накидываюсь:

– Где же твои пионеры? Двое ребят ответило разом:

– Мы и есть пионеры...

– А галстуки где ж?

Один порылся и достал из кармана скомканный красный галстук.

– Вот он. Дома надеваем. А как выйдем из дому – в карман. А то полиция отбирает, – и нам и галстуку достается. Один раз пошли мы с братом в рабочий театр. Брат у меня в "Синей блузе" играет. Ставили пьесу "Плач Крамаржа".

Крамарж этот раньше русским буржуем был. Большевики у него в Крыму дачи отобрали

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru и на дачах санатории да дома отдыха устроили. Крамарж обиделся, уехал в Прагу, свою партию фашистов собрал – ругает теперь советскую республику на чем свет стоит, агитирует здесь, чтобы большевиков не признавали, да о потерянных дачах с женой по вечерам плачет.

Наши комсомольцы-синеблузники его и передразнивали. Все хохочут, – только сыщикам неприятно. Возвращаемся после спектакля; я в галстук, брат в блузе.

Вдруг откуда ни возьмись полицейский. – Пожалте, говорит, в участок. – В участке какой-то усач спрашивает: – Что вы за люди и почему в форме ходите? – А мы ему в ответ: – Мы коммунисты, у нас страна свободная. Как хотим, так и ходим.

Усач рассвирепел и говорит: – Коммунизмом вы можете вполне свободно дома заниматься, а на улицах мы пока начальники. Снимайте форму.

Мы было начали возражать, но на нас трое накинулись очень вежливо, но и очень настойчиво. Не отобьешься. Один галстук сдернул, а двое с брата блузу стянули.

Так мы и домой пошли. Мне еще ничего, а брат в одной спортивной фуфайке две версты сквозь город рысью протрусил.

– Ничего, – говорю им, – приезжайте в Москву, там до отвала находитесь.

Но дети справедливо возразили:

– Про Москву мы знаем, но мы и в Праге московской свободы добьемся. Страна наша в десять раз меньше вашей, а у нас уже две тысячи пионеров, да в секции Красного Спортинтерна 30 000 детей. Мы среди них работаем. Кто поймет, что такое пионер, тот к нам переходит. Много у нас коммунистов вырастет.

При отъезде из Праги просили меня советских пионеров приветствовать, журнал свой дали, "Kohoutek" – "Петушок" называется.

[1927]

НАРУЖНОСТЬ ВАРШАВЫ

Глаза трудящихся Советского Союза с особым вниманием останавливаются сейчас на Польше. К сожалению, о Польше пишется мало. Во-первых, потому что в Польшу труден доступ советскому писателю. Во-вторых, Польша лежит на полдороге к большим странам, и ее переезжают не задерживаясь.

Поэтому считаю не лишним передать вам некоторые впечатления моего десятидневного пребывания в Варшаве.

Столбцы. Пограничный пункт. То, что называется "шикарное" здание! Белое, как будто с золотом. Как отличается эта станция от наших грязных станцийшек! Думаю: если так пойдет и дальше – Польша действительно разбогатела и расправилась.

Ничего подобного. Станция – это только пыль в глаза. За этой станцией до самой Варшавы нищий белорусский пейзаж, ничем не отличающийся от беднейших местечек нашего Союза.

Только подъезжая к Варшаве, задолго до нее видишь дым фабричных предместий.

Кажется, что поезд долго разгоняется, чтобы влететь в огромный клокочущий город.

Однако поезд останавливается у одного из таких предместных зданий. Это – центр.

Это – вокзал. Разгон остается разгоном.

Одни поляки называют Варшаву маленьким Парижем. Во всяком случае, это очень маленький Париж. Варшава на Париж похожа так, как киоск Моссель-прома на Сухареву башню. Если парижские бульвары залиты движущимися огнями, то здесь две-три полувертящиеся вывески. Если Париж кишит наряднейшими модницами и модниками, то здесь десяток-другой пижонов кокетничает вышедшими на пенсию модами.

Другие поляки говорят, что Варшава – Москва. Ну, это уже просто ошибка.

Москвичи этого никогда не скажут.

Варшава за последний десяток лет строилась мало. Новый парк и пара-другая домов, приглянувшихся мне, были, оказывается, разведены и построены немцами во время оккупации Варшавы. За последнее время строились только безделушки, вроде воинственного сооружения вокруг "неизвестного солдата" да нелепейшего памятника Шопену, подаренного Польше каким-то средних способностей французским скульптором.

Магазины завалены товарами. Еще бы не завалиться! Лодзинский товар потерял российский рынок, а на западном рынке он не может выдержать ни английской, ни немецкой, ни итальянской конкуренции. Внутри страны потребитель тоже не ахти какой. При страшно низкой заработной плате и при огромном количестве безработных не раскупишься. Впрочем, и завал этот какой-то показной. Я с товарищем бродил по магазинам в поисках пальто. И везде один и тот же ответ: "Нет таких больших, которые нужны большому пану, и нет таких маленьких, которые нужны пану маленькому".

Варшава чрезвычайно широко раскинута. Чуть не в час автомобильной езды мы с трудом добираемся до рабочей окраины.

Если центр города чист и все же кое-как поблескивает и зданиями и прохожими, то здесь грязь, покосившиеся низенькие домишки и оборванная польская и еще больше ободранная еврейская беднота.

Здесь небезопасно появляться в "буржуазном" автомобиле. Здесь за рукава затаскивают в магазин тряпья купить тройку, здесь торгуются из-за каждой картофелины. Зато и отношение здесь к советскому, к "русскому" – иное.

Единственно что обще всем кварталам, всем улицам и дорогам и всей Польше – это несметное количество военных.

Откроешь глаза – сплошное козыряние. Закроешь глаза – сплошной звон шпор.

Другие страны, например, только что проеханная Чехословакия, как-то стыдятся военщины, обряжая своих чинов по возможности в штатскую одежду.

Военщина Польши назойлива и криклива. Расширяющиеся вверх, изукрашенные позументами шапки, перья, вздымающиеся и свисающие, штаны с диким выпуском, и целая разукрашенная елка – это грудь в орденах.

На обратном пути мы стояли 5 минут на какой-то станции. Станция, очевидно, не застроилась с самой войны. У вокзала всего одна стена, и на ней утверджен колокол. Позади стены, как-то сбоку, ютились временные "багажная" и "телеграф".

Но на фоне этой одной стены все же стояло каких-то четыре разноцветных жандарма.

Граница.

Я видел множество границ. Вернее, не видел: проезжал, не замечая, где кончается одна страна и где начинается другая.

Польскую границу не заметить нельзя – она вся во множестве рядов перевита колючей проволокой.

Но, очевидно, и этого мало.

Еще и еще лежат огромные катушки, ощерившиеся колючками.

Наматывай, сколько влезет...

В кого?

[1927]

ПОВЕРХ ВАРШАВЫ

Первое литературное впечатление на польской территории. Таможенный осмотр. Все книги отбирают. Я обращаюсь к какому-то высшему полицейскому таможенному чину.

– Прошу вернуть мне книги. Тем более что только мои сочинения...

Чин любезен и радостен.

– Вы сами написали? Значит, вы сами писатель? Киваю скромно и утвердительно.

Чин вежливо возвращает книги обратно. Вчитывается в мою фамилию.

– Маяковский... Такого не знаю. А вы Малашкина знаете? Он старый или молодой? Я прочел его книгу "Луна с правой стороны". Очень, чрезвычайно интересная книга...

Он у вас тоже известный?

Очевидно, отбираемые книги не пропадают зря. Наскоро выложив общие знания о Малашкине, сажусь в варшавский поезд.

Какая-то станция, кажется, Барановичи. Поезд стоит минут 10. Подхожу к киоску за русскими эмигрантскими сочинениями. У киоска остолбеневаю. Лежит "Нива". "Нива" самая настоящая: буквы в цветочках, слева – семейства, читающие "Ниву", справа – амурчики, "Ниву" поливающие из лейки. Издание – Рига. Год – 27-й. И даже дань временам: "Нива" называется "новой". Расчет, думаю, простой. "Нивой" или "Миром" назвать обязательно – "привычка свыше нам дана"; с другой стороны, московскую "Ниву" уже обозвали "красной", а московский "Мир" почему-то назван не божьим, а "новым", поэтому и осталась "Новая нива".

Возмущенный, раскрываю журнал. Еще б не возмущаться – какая наглая подделка!

Читаю. Никакая не подделка. На первой странице Ахматова. Потом Зозуля – "Путешествие по Корсике", масса зоэенок, и все в этом роде со слабой примесью собственных советоедов – рижан.

Я в раздумье.

Одно из двух. Или великое искусство действительно внеклассовое и покоряет одинаково и эсэсэсэцев и рижан (тогда плохо для марксизма), или выпестованные нашими "Нивами" и "Мирами" писатели одинаково приемлемы и для советского обывателя и для оберегаемого от коммунизма рижского (тогда плоховато писателям).

Небось левовцев в такой компании не найдете. Уж если и перепечатает газета стих, то обязательно хвост от себя приделает, да еще в комментариях покроет.

Не об этом ли верещал Полонский, говоря о нашей неприемлемости для заграниц?

Черт с ней, с такой приемлемостью!

Политические выводы из этого делать не к чему, но литературные – обязательно. А именно: погоня за темами, общими для всех человеков, это – погоня за огромным косным обывательским рынком; борьба этих тысяч писателей и критиков против агитки, против политики в искусстве – это борьба обывательского большинства против горсточки революционных писателей, против писания о революции и против нее самой.

Литература СССР – только участок на огромном фронте борьбы мира за освобождение; наши слова закатываются за кордоны – и там это не шаблонные агитки, а чудо свободного слова, организующего или еще более сплывающего левые отряды для грядущей борьбы.

Товарищи писатели! На революцию ориентируйтесь, а не на примирительное сюсюканье лежневых.

Варшава. (За поездку я побывал в Варшаве два раза: день – направляясь в Прагу, и десять дней – на обратном пути; объединяю в одно оба впечатления.) Я приехал в

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru Варшаву по приглашению "Блока" (левая писательская организация) и "Пен-клуба" ("Клуб пера", имеющий разветвления по всей Европе, объединяющий маститых, положительных и признанных). На вокзале меня встретили и приветствовали чиновник министерства иностранных дел, друг Вандурский, и еще несколько писателей "Блока".

"Пен-клуб", очевидно, убоявшись своего революционного приглашения, встречать не пришел, а, кажется, сидел в это время и надрывался в дебатах, что же ему теперь собственно говоря со мной делать. Вызвали духа, да еще какого революционного!

Чиновника тоже опровергли через дня три. Опровергли уже после того, как в официальной "Эпохе" его присутствие уже было опубликовано. Опровергли потому, что мой приезд совпал с отказом в визе путешествующему с лекциями Милюкову. И в газетах стали появляться грозные статьи: "Вместо Милюкова – Маяковский"; "Милюкову – нельзя, Маяковскому – можно", и т. д. и т. д.

Случай, конечно, юмористический.

В первый вечер я, конечно, встретился с самыми близкими нам и мне писателями.

Это – Вандурский – прекрасный поэт и работник рабочего театра. На триста тысяч лодзинских пролетариев он один организует и ставит спектакли. Перед спектаклем он читает пролог из "Мистерии-буфф", потом – пьеса или инсценировка, от которой морщится польское начальство. У него отбирают помещения, у него уничтожают декорации, над ним висят аресты, но он твердо ведет свою работу.

Поэт Броневский. Выпустил только что книгу стихов. Названия его стихов говорят за себя: "На смерть революционера", "Пионерам", "Кабала" и т. д.

У него есть стихи "Провокатор" – это о жизни сегодняшней Польши. Он читал эти стихи в рабочем собрании. Когда он произнес строку: "Провокаторы ходят меж нами", какие-то субъекты испуганно поднялись и начали улепетывать из зала, на ходу разъяняя, что они-де не по своей воле. Это стихотворение хорошо рисует и Польшу, и Броневского, и рабочий быт.

Критик Ставер – близкий нашим конструктивистам.

Щука – художник-карикатурист; Жарновер – художница, график, обложечница, и другие.

Эта группа издает журнал "Дзвигня" – рычаг.

Мне дарят 1, 2, и 3 номера. Раскрываю. Первое бросается в глаза: "Родченко в Париже" – перевод на польский язык помещенных в "Лефе" писем. Перевели и напечатали и за границей, и не только без всякого влияния, а, наоборот, с трудом доставая "Леф", вопреки Полонским улюлюканьям и статьям, ограждающим иностранный вкус от экспорта неэстетичных лефов к иностранцам.

Полонский, не хватайтесь за голову!

В Польше есть и люди диаметрально противоположные вам политически, но вашего эстетического вкуса.

Они гонят молодежь в Лувр, они радуются, когда Варшаву называют маленьким Парижем, они заводят у себя "неизвестного солдата", они говорят по-французски и читают французские романчики, – это позиция польских литературных государственников. Но ведь им за это Франция займы дает! Ведь им молодежь от Москвы отвадить надо!

И вот, в противовес этим, переводят родченковские письма, дискредитирующие богатый древней культурой, но остановившийся Париж, зовущие использовать его технику, направляя ее коммунистической рукой.

Эти письма переиздаются не "Новой нивой", а левым журналом, потому что позиция "лефа" – позиция всякой культурно-революционной силы.

Утром я перешел из крохотного номерка в номер за 19 злотых – для представительства. Было от чего. Я начал атаковать корреспондентами, и

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru карикатуристами, и фотографами. Понятно. Я – первый поэт, приехавший из красной Москвы. Должен для беспристрастия отметить крайне корректный, предупредительный тон польской прессы. Неистовствовала только эмигрантская "За свободу", трубившая о въезде советского.

Интересным посетителем был председатель "клуба" г-н Гетель. Этот, очевидно, умный и приятный человек взял сразу быка за рога и спрашивал меня по наиболее интересующим "пен" статьям. А именно – сколько у нас платят, как мы застрахованы и что сделать, чтобы у нас оплачивались польские переводы.

Моя информация о результатах работы комиссии Совнаркома по улучшению писательского положения произвела на моего собеседника большее впечатление, чем сто агитаторов и целый коммунистический "университет".

Мои слова о приравнивании писателя к трудящимся вызвали у Гетеля уныло-удивленную улыбку.

– А я и в профессиональный союз не записан – не к чему это нам. Как он меня защищать будет?

Г-н Гетель увел меня на парадный завтрак, данный в честь "вызванного духа". "Пен-клуб" вышел из неловкого положения, – он пригласил на завтрак только шесть человек – правление, да и то неполное. Этим завтраком с небольшими разговорами об авторском праве и закончилась моя встреча с официальными представителями польской литературы. Мы позавтракали и разошлись, "не причинив друг другу никакого вреда" (пользы – также).

Вечером – новый банкет широкого левого объединения.

Первым я увидел вдохновенно глядящего, поэтически трясущего руку поэта и переводчика моего "Облака в штанах" – "Облак в споднях" – Тувима. Белые газеты писали, будто я, получив перевод, сказал: "Наплевать мне на польскую литературу".

Я немедленно опроверг чепуху. Пришел другой писатель и переводчик – Слонимский.

Он перевел "Левый марш" и для уравнивания своих взглядов написал еще и свой марш. У меня: "левой, левой, левой", у него: "вверх, вверх, вверх", – этаким польский Шенгели.

Я похвалил перевод "левого".

Слонимский спросил опасливо о "вверх".

– За "вверх" пускай вас в Польше хвалят. Полеты Слонимского "вверх" кончились катастрофой.

В дни моего пребывания в Варшаве была поставлена его пьеса, не то "Вавилонская башня", не то "Геркулесовы столбы" – словом, из такого самого полета вверх.

На втором представлении театр был пуст.

Я виноват перед читателем за постоянные упоминания обедов! Но что поделаешь!

Такова судьба официальных, полуофициальных и представительских поездок (моя, конечно, представительская). У меня был еще один грустный обед. Это – с моим переводчиком, уже упомянутым мною Тувимом.

Многие считают Тувима одним из самых лучших поэтов молодой Польши. Не зная языка – судить не берусь. Он переводил меня, очевидно, не из-за заработка. Какой заработок от книги в Польше, да еще от переводной, да еще с перевода одного из поэтов революции! Отношение его к моим стихам, очевидно, лирическое, и он решил, очевидно, посидеть час за обедом со своим собственным приятным воспоминанием. Он не ругал ни Польши, ни своего писательского положения, даже чуть похваливал своих перед иностранцем. Но именно в этом внезапно напущенном на себя, ни с чем остальным не гармонирующем свободословии было больше всего мотивов для жалости.

Ему, очевидно, нравилось бы писать вещи того же порядка, что "Облако в штанах",

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
но в Польше и с официальной поэзией и то не просуществуешь,- какие тут "облаки"!

Даже такие смиренные, мифически потусторонние писатели, как одна из слав Польши – Пшибышевский, влчат жалковатое существование. Правительственная субсидия какому-нибудь "маститому" злотых 800 в месяц (рублей 180) уже вызывает писательскую зависть.

Что же делать Тувимам? Тувимы пишут тексты для певиц и певцов варьете. (Глупые скажут: "А сам про Моссельпром писал?" – Я про Моссельпромы хочу писать потому, что нужно. А ему для варьете и не нужно и не хочется.) И варьете прекрасно, если писать хоть немного "что хочешь".

Какое тут "хочешь", если такую польскую славу, как Жеромский, и то перед смертью вызывали в дефензиву с недоуменнейшим вопросом – как это ему в голову. пришло написать такую революционную вещь? И Жеромский шел!

Правда – можно писать и против того, что видишь. Но тогда кто тебя будет печатать?

А если тебя отпечатает нелегально нелегальная коммунистическая партия – готов ли ты садиться в цитадель на четыре, на шесть, на восемь лет?

А кто сейчас в силах идти на этот героизм, кроме человека, принадлежащего к классу, верящему в победу і коммунизма?

Но можно писать просто книжечки,- такие, чтобы и вашим и нашим.

Такие еще труднее.

Кроме горизонтального разреза на классы, встретишься еще и с вертикальным – нации. Это при обязательном польском языке! Это значит, из тридцати миллионов населения восемь миллионов украинцев не прикоснутся к твоей книге. А если ты еще и еврей и пишешь на польском – разве евреи будут тебя читать?

А Тувиму надо и некоторой бури и некоторого оживления, как у футуристов, как у лефов.

Найди и оживись, когда тебе приходится имитировать крупную литературную работу чтением выхолощенных стихов, разъезжая из столицы Варшавы в провинцию Вильно!

Что за провинция и какая столица?

Когда я ехал из Негорелого в Столбцы, я сразу отличил границу и то, что она польская, по многим и солидно закрученным колючим проволокам. Те, которые еще не успели накрутить, лежали тут же, намотанные на длинные, кажется, железные катушки.

Здание станции Столбцы, и чистое видом и белое цветом, сразу дало и Европу и Польшу.

Вот это забота, вот это стройка!

Но сейчас же за Столбцами пошла опять рухлядина – длинные-длинные перегоны без жилья и крестьян и косые хаты.

А разоренья и запустенья, пожалуй, и больше.

Видал я на полпути станцию – большая, очевидно. Поезд держала минут пять.

Станция странная: только передняя стена, которую не имели в виду ремонтировать, сквозь выбитые окна виднелись земля, небо-потолок, трава-пол. На стене висел колокольчик. Только к одной трети стены были прилеплены телеграф и багажное.

Перед этой стеной стояли четыре жандарма. Непонятная архитектура!

Правильнее было бы делать станции из четырех стен и с одним жандармом.

Редкие станции еще и малолюдны. Поезда пусты. В норд-экспрессе, мчащемся из

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Берлина в Варшаву, на 7 вагонов было человек пятьдесят. В простейшем поезде из Варшавы в Негорелое на девять вагонов ехало (не преуменьшаю) человек семь. Рядом с нашим вагоном тащился один совершенно пустой мягкий, один совершенно пустой жесткий и рядом – жесткий вагон всего с одним пассажиром. Правда, это – уже подъезжая к границе; вероятно, это редкость, но даже и для редкости пассажиров все-таки мало.

Когда подъезжаешь к Варшаве, кажется, что подъезжаешь к огромному городу.

Кажется – потому что долго идет пригород, подготавливают крепость и цитадель, заставляет всматриваться растущий разгон предместья, и только когда прибываешь на станцию Варшава – оказывается, что и пригород и предместье – они и есть уже столица.

Странное ощущение – разбег без прыжка.

Временный деревянный барак вокзала еще больше увеличивает недоумение.

При выходе на улицу две-три не то чтобы вертящиеся, а так, подпрыгивающие рекламы – смешат желанием походить на Европу.

Мысль о бедности провожает вас по улицам. Средний уровень одежды скорей приближается к московскому, чем, например, к берлинскому виду.

Обилие извозчиков. Такси, введенные недавно, еще не очень привились.

Магазины полны – но тоже какой-то провинциальной полнотой. Есть все – кроме того, что вам нужно.

Ни одно здание, ни одна стройка (кроме разве старых домов старого города) не останавливает вас. Бельведер, насколько позволяет поле зрения, так – загончик, гостиницы – средненькие, жилья – ординарные.

Лучшим местом мне показалась огромная площадь, оставшаяся после срытия православного собора (первая часть безбожной программы выполнена – остается срыть только католические); на этой площади памятник Понятовскому. Понятовский на лошади, без штанов, тычет мечом в сторону Украины. Памятник этот не совсем плох уже одним тем, что памятник Шопену много хуже.

Шопен – это какая-то скрюченная фигура, а рядом – больше фигуры – не то разбрызганные валы, не то раскоряченные коряги.

Спрашивают: "Что это у него рядом?"

Говорят: "Хаос".

Если рядом с человеком такое находится – это, действительно, большой беспорядок, но лепить это и ставить в саду – совершенно нелепо.

Постановка памятника оправдывается тем, что его, кажется, француз Польше подарил.

Говорят, сейчас гордая Польша собирает деньги, чтобы отправить их скульптору в награду, так как Польша не хочет пользоваться даровым.

Впрочем, злые люди утверждают, что французы уже раньше собрали деньги, только чтобы этот памятник был вывезен из Парижа.

Шумно только на главных улицах. Боковые пусты и молчаливы. Впрочем, последние дни, в связи с варшавскими городскими выборами, стало шумней и оживленней.

Повозки и легковые извозцы изукрашены плакатами и лозунгами.

Из разных окон раскидывается мелкий снег предвыборных летучек, иногда сплошь белящий и тротуары и мостовые.

Потом по тротуарам пошли намалеванные черной краской номера выборных списков.

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Краска паршивая и моментально стиралась шаркающими.

По стенам и заборах выклеены антибольшевистские плакаты: конечно – латыши, конечно – зверского вида, конечно – расстреливают каких-то людей честного и страдающего вида.

У польского правительства есть более верное средство предвыборной борьбы. Оно просто аннулировало коммунистический список № 10 по каким-то формальным основаниям.

Пепеэсовцы немедленно выпустили протестующую прокламацию, где обвинялись сами коммунисты. Они, дескать, против демократии, поэтому с ними-де так недемократически и поступают.

После этого изъятия уже выборы ничем не омрачились и пошли по всем правилам политических опереток.

Ездят, поют, разговаривают, кричат, свистят, аплодируют и часам к двенадцати расходятся, как из театра. Только на окраинах битые и раненые, – это если в предвыборную полемику вступают защитники аннулированного списка.

Последние дни особенно лезло в глаза предвыборное. Я переселился в пустующую до приезда курьеров дипкурьерскую комнату полпредства. Полпредство помещено удачно.

Справа – полиция, в центре – полпредство, налево – монархический клуб. Часам к 8, к 9 вечера нас подымал со стульев дикий шум у самых полпредских дверей. Под окнами скакали десятки полицейских.

Каждый раз шумиха оказывалась пустяком.

Это с балкона клуба орали речи и распевали песни монархисты, собирая небольшую толпочку.

Немедленно появлялись на грузовике пепеэсовцы и старались их перекрыть пением Интернационала (!!!). Видимость получалась страшно революционная. Попев и сорвав десяток-другой монархических афиш, пепеэсовцы удалялись.

Тогда снова вылезали монархисты с лестницами и возможно выше наклеивали новые листы. Из парикмахерской (под клубом на Познанской) выбегает мастер, подталкиваемый пепеэсовским долгом, влазит по трубе и срывает наклейку.

Опять выбегает монархист...

Опять, ругаясь, вылезит пепеэсовец...

Сказка про белого бычка!

Но даже этот невеселый спектакль веселее скучных спектаклей в театрах.

Головатое ревю с постоянным восторженным припевом "Варшава, Варшава", с непременным превознесением ее парижских качеств, Вертинский на польском языке. В кино – "Медвежья свадьба" с знаменитой "польской" артисткой Малиновской, "Дворец и крепость" с переделанным под польский вкус концом – опять-таки с большевистским зверством, и, конечно, всякое американское приключенчество и французская сентиментальность.

Я убежден, что серьезный читатель знает Польшу лучше и глубже, чем я. Считал все-таки полезным записать мое поверхностное впечатление, так как, несмотря на близость Польши, наши проезжие редко в ней останавливаются, и, очевидно, редко это можно делать.

Выводы частные.

Для нас, не только авторов книг, но и организаторов литературы для общей пролетарской борьбы, литераторы Польши (да и других объезженных мною стран – Чехословакии, Франции, Германии) делятся на три группы. Те, кто избраны своим господином – классом, и не оборачиваются на имя СССР, а всячески помогают своим правительствам травить нас и оклеветывать. Другая группа – полупризнанные,

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru полуопределившиеся – измеряет свое отношение к нам шансами на литературную конвенцию и возможность получать за переводы. Третьи – рабочие писатели и лефы (левая, срастающаяся с борьбой пролетариата часть европейской интеллигенции, "Ставба" – чехословацкая, "Дзвигня" – Польша, "Четыре ветра" – Литва, "Зенит" – югославская и др.). Третьи – это единственные отряды на Западе, поднимающиеся на последнюю борьбу пролетариата.

Выводы общие.

Польша развивалась как крупная промышленная часть бывшей России. Промышленность осталась – рынков нет.

На Запад с лодзинским товаром не сунешься – на Западе дешевле и лучше. Западу нужна Польша как корова дойная, Польша земледельческая.

У многих поляков уже яснее ответ на вопрос – быть ли советской республикой в союзе других советских или гонимой демократической колонией...

[1927]

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ

Поверх Варшавы Журн. "Молодая гвардия", М. 1927, No 7, июль:

Стр. 347 2 Вместо: Все книги отбирают // {знаком // отделяется текст основного источника от его варианта.} Все книги отобрали 5-6 Вместо: Прошу вернуть мне книги. Тем более что только мои сочинения // Прошу верните мне книги! Тем более, только мои, мои сочинения... 8 Вместо: Вы сами написали? Значит, вы сами писатель? // Вы сами писали? Значит вы сам писатель? 9 Вместо: вежливо // вежливейше 12 После: молодой // Он знаменитый или нет? 14 Слова: Он у вас тоже известный? – отсутствуют. 15 Вместо: отбираемые книги // отбираемые у пассажиров книги 22 Вместо: семейства, читающие "ниву" // семейство, читающее "ниву".

Стр. 348 14-15 Вместо: для оберегаемого от коммунизма рижского // для оберегаемых от коммунизма рижан 19 Вместо: да еще в комментариях покроет // да еще хвоста мало покажется, в комментариях покроет 28-30 Вместо: это борьба...против нее самой // это борьба обывательщины против революционных писателей, против писания о революции и против самой революции Стр. 349 6 Вместо: друг Вандурский // наш друг Вандурский 7 Вместо: "Пен-клуб" // Сам "Пен-клуб" 11-12 Вместо: Вызвали духа да еще какого революционного // Вызвали духа, да еще красного, а что с ним делать – неизвестно 13 Вместо: через дня три // через три дня 15 Вместо: уже было распубликовано // было республиковано 22 Вместо: я, конечно, встретился // я торопился встретиться 29 Вместо: у него // у Вандурского 32-33 Вместо: Поэт Броневский. Выпустил только что книгу стихов //Поэт Броневский, выпустивший только что книгу прекрасных стихов "Над городом" 33 Вместо: говорят за себя // сами пропагандируют книгу 35 Вместо: У него есть стихи // у Броневского есть стих 35-36 Вместо: о жизни сегодняшней Польши // о жизни и страхе сегодняшней Польши 36 Вместо: Он читал эти стихи // Он читал этот стих 40 Вместо: они-де не по своей воле // мы-де не по своей воле, нас-де начальство посылает 40-41 Вместо: хорошо рисует // показывает Стр. 350 5-6 Вместо: Первое бросается в глаза // Первым впечатывается в глаза 7 Вместо: помещенных в "Лефе" писем // помещенных в "Лефе" родченковских писем 8-9 Вместо: без всякого влияния, а, наоборот, с трудом // без всякого нашего влияния, а, наоборот, сами и с трудом 9-10 Вместо: вопреки Полонским улюлюканьям // не вняли Полонским улюлюканьям 24-27 Вместо: И вот, в противовес... коммунистической рукой // И вот в противовес им, переводят родченковские письма, письма бытово снижающие богатый древней эстетической культурой, но остановившийся еще по привычке штампующей эстетики Париж. Лефы зовут и Родченко использовать технику Парижа, освободив ее от эстетической мишуры, направляя эту технику коммунистической рукой. 29 Вместо: позиция // это позиция 36 Вместо: корректный // вежливый 37 После: польской прессы. // Воспитанный народ! 38-39 Вместо: эмигрантская "за свободу", трубившая о въезде советского // эмигрантская "за свободу", трубившая о въезде советского хулигана 40 Вместо: председатель "Клуба" // председатель "Пен-клуба" Стр. 351 1 Вместо: спрашивал меня // спрашивал меня только 3 Вместо: сколько у нас платят // сколько у нас платят, за что платят, кому платят, почему платят 10-11 Слова: Мои слова о приравнении... уныло-удивленную улыбку – отсутствуют. 13 После: защищать будет? // Не такой он. 25-26 После: поэтически трясущего руку // откидывающего локоны (даже если он будет

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
лысым). 28-29 Вместо; сказал: "Наплевать мне на польскую литературу" // сразу
выразился:

"Наплевать мне на всякую польскую литературу" 30 Вместо: опроверг // опровергаю
31-32 Вместо: для уравнивания своих взглядов // для уравнивания и
демонстрирования целомудрия своих взглядов 38-39 Вместо: кончились катастрофой
// кончились большой неудачей Стр. 352 7 Вместо: представительская //
полупредставительская 7 Вместо: У меня был // Но у меня был 25-26 Вместо: какие
тут "облаки" // какие же тут "Облаки" 37-38 Вместо: и варьете прекрасно, если
писать хоть немного "что хочешь" // и варьете прекрасная вещь, если писать хотя
бы чуть как хочется. 40 Вместо: Жеромский // Жеромского Стр. 353 1 Вместо:
написать такую революционную вещь // описать какую ни на есть революционку 8-10
Вместо: А кто сейчас... победу коммунизма // А многие ли из некоммунистов в силах
идти на этот героизм 19 Вместо: разве евреи будут тебя читать // кто тебя будет
читать 21 Вместо: как у футуристов // чтоб как у футуристов 29-30 Вместо: Те,
которые еще не успели накрутить, лежали тут же, намотанные // Та, которая еще не
успела быть накрученной, лежала тут же намотанная 31 После: железные катушки. //
Не помню есть ли такое на других границах. На польской на этом особенно
фиксируешь взгляд. 32 Вместо: Здание станции Столбцы // Здание станции Столбцов
35-36 Вместо: рухлядина // русятина 38 Вместо: А разоренья и запустенья,
пожалуй, и больше // Разорения, запустения.

Иногда и больше нашего.

Стр. 353-354 40-2 Вместо: Поезд держала...трава-пол // Поезд на себе держала
минут пять.

Но станция была странная: только передняя стена развалившаяся, даже и не
думающая ремонтироваться, сквозь выбитые окна виднелась и земля, и небо-потолок,
и трава-пол Стр. 354 4 Вместо: Перед этой стеной стояли четыре жандарма // Перед
этой одной стеной стояли человека четыре жандармистых военных 20-21 Вместо:
подготавливают крепость и цитадель // подготавливает крепость и цитадель 22-23
Вместо: когда прибываешь на станцию Варшава // когда останавливаешься и говорят
Варшава 27 Вместо: увеличивает недоуменье // распаливает недоумение 40 Вместо:
насколько позволяет поле зрения // с расстояния, дозволенного к воззрению Стр.
355 3-4 Вместо: выполнена - остается срыть только католические // выполнена
теперешним правительством, будущему останется срывать только католические 4
Вместо: на этой площади памятник // на эту площадь выезжает памятник 5 Вместо:
Понятовский на лошади // Понятовский мужчина на лошади 9-10 Вместо: а рядом -
больше фигуры // а рядом размерами значительно больше фигуры 11 Вместо:
раскоряченные коряги // раскоряченная коряга 19 Вместо: Говорят, сейчас // и то,
говорят, сейчас 20 Вместо: скульптору в награду // скульптору наградой 24 После:
вывезен из Парижа. // Поляки настаивают на том, что Варшава европеистее Москвы.
Москвичи этого не скажут. Вероятно потому такое несоответствие взглядов, что
многие поляки не видали Москвы, а многие москвичи Варшаву видали, хотя бы и
из-за пятидесяти верст расстояния 27 Вместо: стало шумней // стали шумней 39
После: страдающего вида. // Напрасная трата бумаги. 41 После: предвыборной
борьбы. // Правительство подумало, подумало и воспользовалось.

Стр. 356 7-8 Вместо: уже выборы ничем не омрачились и пошли // предвыборная
борьба уже ничем не омрачалась и пошла 15 Вместо: пустующую до приезда //
пустующую от отъезда до приезда 25 Интернационала (!!!) - отсутствует. 29
Вместо: вылезали // вылазят 30 Вместо: наклеивали // наклеивают 36 Вместо:
Сказка про белого бычка // Сказка про очень белого бычка 37-38 Вместо: веселее
скучных спектаклей в театрах // веселее скучных настоящих спектаклей и театров
Стр. 357 14-15 Вместо: литераторы Польши // литература Польши 16 Перед: делятся
// и литераторы Польши 19-20 Вместо: оклеветывать // поклеветывать 25 Вместо:
чехословацкая // Чехословакия 27 Вместо: югославская // Югославия 28-29 Вместо:
подымающиеся на последнюю борьбу пролетариата // отряды подымающегося на
последнюю борьбу рабочего человечества 35 Вместо: дешевле и лучше // и дешевле и
лучше 35-36 Вместо: как корова дойная // корова дойная 37 Вместо: У многих
поляков уже яснее ответ // У многих поляков, не только рабочих, уже яснее
ответ 39 Вместо: демократической колонией // демократической, но колонией.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ В ВОСЬМОЙ ТОМ

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Хорошо! Октябрьская поэма. Гиз, М.-Л. 1927, 104 стр.

Хорошо! Октябрьская поэма, второе издание. Гиз, М.-Л. 1928, 104 стр.

Но. С. (Новые стихи). Изд. "Федерация", М. 1928, 107 стр.

Слоны в комсомоле. Изд. "Молодая гвардия", М. 1929, 95 стр.

Школьный Маяковский. Гиз, М.-Л. 1929, 104 стр.

Сочинения, т. 6. Гиз, М.-Л. 1930, 253 стр.

Сочинения, т. 7. Гиз, М.-Л. 1930, 351 стр.

Сочинения, т. 8. Гиз, М.-Л. 1931, 336 стр. {В редакционном предисловии к 7-му тому Сочинений 1930 г. указывается: "7-й и 8-й томы – последние, собранные и сданные в печать Вл. Вл. Маяковским".}

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ – Библиотека-Музей В. В. Маяковского.

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

ЦГАОР – Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

ОЧЕРКИ

Ездил я так (стр. 331). Журн. "Новый леф", М. 1927, No 5.

Написан под впечатлением поездки в Чехословакию, Францию, Германию, Польшу (15 апреля – 22 мая 1927 года).

Стр. 331. Бальмонт К. Д. (1867–1942) – русский поэт-декадент, после Октябрьской революции – эмигрант. Сонет Бальмонта, посвященный Маяковскому, написан был на вечере "Встреча двух поколений поэтов" в январе 1918 года, где Маяковский прочел поэму "Человек".

Броневский Владислав (р. 1898) – известный польский поэт, один из зачинателей пролетарской поэзии.

Якобсон Р. О. (р. 1896) – ученый, филолог. Маяковский встречался с ним в 1916–1920 годах в Петрограде и Москве. О Якобсоне есть упоминание в стихотворении "Товарищу Нетте пароходу и человеку" (т. 7 наст, изд., стр. 163).

Стр. 332. Гора Иозеф (1891–1945) – чешский поэт и писатель.

Сайферт Ярослав (р. 1901) – современный чешский поэт.

Махен (точнее: Маген) Иржи (1882–1939) – чешский писатель и драматург.

Библ Константин (1898–1951) – чешский поэт.

Незвал Витезслав (р. 1900) – современный чешский поэт. ...синеглазые вещи... – то есть произведения, характерные для "Синей блузы" – разновидности эстрадного театра, получившего распространение в СССР в 20-х годах.

Выступления "Синей блузы" посвящались актуальным вопросам внутренней и международной жизни. Самодеятельные и профессиональные коллективы "Синей блузы" (выступавшие в синих рабочих блузах) существовали при многих клубах предприятий и учреждений.

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Большой вечер в "Виноградском народном доме". – Маяковский выступал в Праге в Виноградском народном доме 26 апреля. Вечер открылся вступительным словом поэта Иозефа Гора, прошел с большим успехом и имел широкий отклик в печати.

Тагор Рабиндранат (1861–1941) – крупнейший индийский поэт, романист и драматург.

Милюков – см. примечание к стихотворению "Даешь изячную жизнь" (стр. 422).

Стр. 333... отзывы о вечере по яacobсоновскому письму...– Письмо Р. Яacobсона с отзывами чехословацкой печати о вечере в Виноградском народном доме было послано Маяковскому через несколько дней после его отъезда из Праги.

Бенеш Эдуард (1884–1948) – министр иностранных дел Чехословакии в 1918–1935 годах, потом президент.

Дюамель Жорж (р. 1884) – современный французский писатель; посетил Москву в марте–апреле 1927 года.

Брик О. М.– см. примечание к поэме "Хорошо!" (стр. 446). ...основываясь на печальном опыте с Мораном и Берро...– Маяковский имеет в виду клеветнические очерки французского писателя Поля Морана "Я жгу Москву" и журналиста Анри Берро "Что я видел в Москве", выпущенные после поездки в СССР в 1924 году.

Стр. 334. Дюртен Люк (р. 1881) – современный французский писатель.

Они собираются на свои обеды уже с 1909 года.– Маяковский говорит об "обедах" "Пен-клуба", который был организован не в 1909, а в 1919 году.

Дягилев С. П. (1872–1929) – художественный и театральный деятель, антрепренер.

Организовал в Париже так называемые русские сезоны – балетные и оперные спектакли. Ориентировался на эстетско–формалистические течения в европейском буржуазном искусстве.

"Ажаны" (франц.) – полицейские.

"Клартэ" – французский прогрессивный журнал, выходил в 1919–1928 годах. Был основан А. Барбюсом.

Арагон Луи (р. 1897) – выдающийся французский поэт и прозаик.

Элюар Поль (1895–1952) – выдающийся французский поэт.

Барон Жак (р. 1905) – современный французский поэт.

Было в кафе "Вольтер".– Выступление Маяковского в Париже в кафе "Вольтер" состоялось 7 мая 1927 года.

Стр. 335. Кор-а-кор (франц.) – схватка, рукопашная.

"Бродячая собака" – артистический подвал–кафе, в котором собиралась художественная богема предреволюционного Петрограда.

Георгий Иванов – поэт, принадлежал к группе акмеистов, после 1917 года – белоэмигрант.

Гильбо Анри (р. 1884) – французский поэт и писатель, автор книги "Владимир Ильич Ленин. Жизнеописание" (1924).

Бехер Иоганнес (р. 1891) – современный немецкий поэт, переводчик поэмы "150 000 000" на немецкий язык (1924).

"Ротэ фанэ" – немецкая газета, центральный орган Коммунистической партии Германии.

Каменева О. Д. – в то время председатель правления ВОКС.

Роган Карл – редактор немецкого журнала "Europäische Revue". Маяковский

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru встретился с ним в апреле 1927 года в Москве.

Стр. 336. Я попал в Варшаву... – О пребывании в Варшаве см. также очерки "Наружность Варшавы" и "Поверх Варшавы".

Пепезовцы – члены партии ППС (Польской партии социалистов). ...письма Родченко...- Письма художника А. М. Родченко из Парижа были напечатаны в No 2 журн. "Новый Леф" за 1927 год. О В. Полонском, резко критиковавшем эти письма, см. в примечании к стихотворению "Венера Милосская и Вячеслав Полонский" (стр. 427). ...поэт Броневский, только что выпустивший новую книгу стихов "Над городом".- Во время пребывания Маяковского в Варшаве В. Броневский подарил ему только что вышедший сборник стихов "Дымы над городом" с надписью "Владимиру Маяковскому, поэту революции".

Вандурский Витольд (1891-1937) – польский поэт и драматург. Встречался с Маяковским во время пребывания в Москве в 1920 году. Рассказывая в своих воспоминаниях о распространении поэзии Маяковского в Польше, Вандурский писал: "Рабочий Лодзинский театр, открытый в 1923 году, ввел в свой репертуар несколько инсценированных поэм Маяковского и каждую свою программу малых форм начинал с хорового чтения пролога к "Мистерии-буфф". На других рабочих сценах большой успех имела инсценировка "левого марша" (журн. "Життя и революция", киев, 1931, No 7). См. также о Вандурском в очерке "Поверх Варшавы", стр. 349.

Стр. 337. Тувим Юлиан (1894-1953) – выдающийся польский поэт. Вспоминая впоследствии о своем знакомстве с поэзией Маяковского, Тувим писал: "Поэтическое потрясение, которое испытал, читая впервые Маяковского, я могу сравнить только с потрясением, пережитым мною, когда я слышал и видел раздираемое молниями небо.

Мятеж, переворот, громы, пламя – все ново, беспрецедентно, чудесно, поразительно, революционно... И сразу – и уже навсегда – Маяковский слился для меня с Октябрьской революцией..." ("Поэты-лауреаты народной Польши", изд-во "Иностранная литература", М. 1954, т. 1, стр. 21).

Слонимский Днтони (р. 1895) – современный польский поэт. Перевод "левого марша" был сделан им в 1921 году. Вместе с переводом Слонимский напечатал как бы в ответ Маяковскому свой "Контрмарш".

Стерн Анатолий (р. 1899) – современный польский поэт, переводчик стихов Маяковского. В 1927 году под редакцией Стерна вышел сборник стихов Маяковского в переводах Ю. Тувима, В. Броневского, Б. Ясенского, А. Слонимского и других.

Предисловие к этому сборнику было написано Маяковским во время пребывания в Варшаве (см. т. 12 наст. изд.).

Гетель Фердинанд (р. 1895) – современный польский писатель, прозаик. В настоящее время в эмиграции.

Немного о чехе (стр. 339). Газ. "Рабочая Москва", М. 1927, No 127, 8 июня.

Напечатан рядом со стихотворением Маяковского "Славянский вопрос-то решается просто" (см. стр. 128).

Стр. 341. Чернов В. М. (1876-1952) – лидер партии эсеров, после 1917 года белоэмигрант.

Сжеблужни – см. примечание к очерку "Ездил я так" (стр. 448). ...сцена "Слезы Крамаржа".- Об этой пьесе говорит Маяковский и в очерке "Чешский пионер" ("Плач Крамаржа" – стр. 343). См. о Крамарже также в стихотворении "Славянский вопрос-то решается просто" (стр. 128).

Чешский пионер (стр. 342). Газ. "Пионерская правда", М. 1927, No 12, 25 июня.

Стр. 342. "Синяя блуза" – см. примечание к очерку "Ездил я так" (стр. 448).

Стр. 343. Красный Спортинтерн – международная организация рабочего физкультурного движения, существовавшая с 1921 по 1937 год.

Наружность Варшавы (стр. 344). Газ. "Рабочая Москва", М. 1927, No 141, 25 июня.

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Напечатан рядом со стихотворением Маяковского "Польша" (см. стр. 154).

Перепечатан: газ. "Северный рабочий", Ярославль, 1927, No 151, 6 июля (под заглавием "Маленький Париж").

Поверх Варшавы (стр. 347). Журн. "Молодая гвардия", М. 1927, No 7, июль;

Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесено исправление: на стр. 350 в строке 23 вместо "отводить" – "отвадить" (исправление "опечатки").

В том же номере "Молодой гвардии" напечатано тематически связанное с очерком стихотворение Маяковского "Варшава" ("чугунные штаны" – см. стр. 157).

В ряде мест очерк перекликается с некоторыми наблюдениями и положениями очерка "Ездил я так", написанного, возможно, несколько раньше (см. стр. 331). Имена польских поэтов и писателей, встречающиеся в обоих очерках, см. в примечаниях к очерку "Ездил я так" (стр. 448–451).

Стр. 347. Малашкин С. И. (р. 1890) – советский писатель.

Стр. 348. Зозуля Е. Д. (1891–1941) – советский писатель. Маяковский говорит об очерках Зозули "Из Москвы на Корсику и обратно".

Лежнев А. З. (1893–1937) – советский критик. Ироническое упоминание о нем есть в стихотворении "Марксизм – оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот" (см. т. 7 наст. изд., стр. 110).

Стр. 350. "Родченко в Париже" – перевод на польский язык помещенных в "Лефе" писем. – См. примечание к очерку "Ездил я так" (стр. 450).

Я начал атаковываться корреспондентами, и карикатуристами, и фотографами. – Интервью с Маяковским были помещены в польских газетах "Эпоха", "Польска вольность" (Варшава), "Хвиля" (Львов) (см. т. 13 наст. изд.).

Стр. 351. Шенгели – см. примечание к стихотворению "Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели" (стр. 421).

В дни моего пребывания в Варшаве была поставлена его пьеса... – Пьеса А.

Слонимского "Вавилонская башня" была поставлена Польским драматическим театром.

Стр. 352. Пшибышевский Станислав (1868–1927) – известный польский писатель, один из видных представителей декадентского крыла движения "Молодая Польша".

Жеромский Стефан (1864–1925) – известный польский писатель.

Дефензива – польская охранка.

Стр. 355...памятник Понятовскому. – О памятнике Понятовскому см. также в стихотворении "чугунные штаны" (стр. 157). ...памятник Шопену... – Этот памятник, работы скульптора В. Шимановского, был поставлен в Варшавском саду Лазенки в 1926 году.

Стр. 356. Пепеэсовцы – см. примечание к очерку "Ездил я так" (стр. 450).

Вертинский А. Н. (1887–1957) – эстрадный артист, автор романсов и песенок.

Стр. 357...Медвежья свадьба" с знаменитой "польской" артисткой Малиновской... – О кинокартине "Медвежья свадьба" см. примечание к стихотворению "Стабилизация быта" (стр. 418). Киноактриса В. С. Малиновская играла главную роль в этой картине.

"Дворец и крепость" – кинокартина, снятая по роману Ольги Форш "Одеты камнем" (1924).

Очерки (1927). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Год: 1927

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!